

Вестник
Томского государственного
университета

№ 362

Сентябрь

2012

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Воробьёв С.Н.**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Пчелинцев О.А.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Рыкун А.Ю.**, д-р социол. наук, доц.; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слизов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ТЕРМОЯДЕРНОГО ВЕКА, ИЛИ КУДА ИСЧЕЗ ЛОЗУНГ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»

Анализируется политика США в отношении Восточной Европы в 1954 – первой половине 1955 г. На основе документов, в том числе из Национального архива США, автор показывает, что именно в этот период администрация Д. Эйзенхауэра принимает окончательное решение о переходе к новой политике в борьбе с СССР. В первую очередь этот поворот был связан с появлением у СССР термоядерного оружия и возможностью начала мировой войны, которая могла бы иметь непоправимые последствия для всего человечества. Новый подход был основан на пропаганде ценностей западного мира, а не на насильственном свержении коммунистических режимов в странах Восточной Европы.

Ключевые слова: холодная война; внешняя политика США; администрация Д. Эйзенхауэра; Восточная Европа.

1954 г. и начало 1955 г., как оказалось, стали определяющими для американской политики в отношении Восточной Европы. Выработав и утвердив основные документы, определяющие позицию США в отношении СССР и Восточной Европы, администрация Д. Эйзенхауэра параллельно решала конкретные вопросы взаимоотношений со своим главным противником и его союзниками. Важнейшими событиями, с которыми столкнулась американская администрация на этом направлении, без сомнения являлись: смерть И. Сталина, восстание в Восточном Берлине 16–17 июня 1953 г. и испытание в СССР в августе 1953 г. термоядерного оружия. Реакция и конкретные действия Вашингтона по отношению к этим событиям, несомненно, сказались на выработке администрацией своей политики. Однако окончательное переосмысление определенных аспектов своей внешней политики и, следовательно, тех возможностей, которые открываются перед администрацией Д. Эйзенхауэра, произошло именно в 1954 г. Что же подвигло администрацию, которая только определила основные направления своей политики (причем это было сделано с привлечением широкого круга экспертов и серьезной проработкой их выводов (проект «Солярий»)), пойти на их ревизию?

По мнению автора работы, этому способствовал целый ряд взаимосвязанных факторов. Во-первых, это внутренние факторы, которые в американской действительности играют колоссальную роль. В 1954 г. прошли промежуточные выборы в конгресс, в которых Республиканская партия проиграла выборы в сенат, оказывающий существенное влияние на внешнюю политику (48 демократов, 47 республиканцев и 1 независимый кандидат) [1]. В сентябре от сердечного приступа скончался могущественный сенатор Патрик Маккарен, потерявший в результате выборов 1952 г. пост главы сенатского комитета по законодательству, но продолжавший оказывать колоссальное воздействие на положение дел в сенате. Главным его оружием оставались умение и возможности работать с прессой [1. С. 57].

В декабре этого же года фактически закончилась «эра Маккарти». Сенатор от Висконсина, начав расследование против армии, перешел ту черту, которую ему уже не простили. Армия выдвинула против него обвинения в фальсификации, и сенатская комиссия начала расследование. В результате сенат вынес в декабре 1954 г. Дж. Маккарти порицание [1. С. 58]. После этого сенатор от Висконсина стал подвергаться полной обструкции как в конгрессе, так и в обществе, что привело к его преждевременной смерти 2 мая 1957 г.

В 1954 г. администрации удалось заблокировать поправку сенатора от Огайо Джона Брикена. Борьба против «поправки Брикена» администрация Д. Эйзенхауэра считала своим принципиальным делом. По мнению Д. Эйзенхауэра, этот закон парализовал бы исполнительную власть в международных делах [2. С. 280–281]. Суть поправки состояла в том, что любой международный договор или соглашение, заключенное от имени правительства Соединенных Штатов, не должны противоречить Конституции США и приниматься без одобрения конгресса Соединенных Штатов. Поправка в изначальной редакции даже наделяла палату представителей законотворческой властью в отношении международных договоров. Поставить под контроль конгресса исполнительную власть в области внешней политики было давней мечтой консерваторов-изоляционистов в США. Переговоры между администрацией и сенатом по поправке продолжались весь 1954 г. Однако после многочисленных бесед президента и госсекретаря с сенаторами, а также вследствие твердой позиции президента в отношении невозможности принятия поправки в том виде, в котором ее предлагал Дж. Брикен, положение стало меняться. В конце концов, сенатор Уолтер Джордж предложил альтернативный проект поправки, в котором говорилось о том, что применение заключенных исполнительной властью международных обязательств внутри страны должно получить одобрение конгресса и не противоречить Конституции США [1. С. 60].

Такая постановка вопроса устроила администрацию, и после голосования в феврале 1954 г. по поправкам Дж. Брикена и У. Джорджа последняя была принята конгрессом. Для утверждения поправки Дж. Брикена конгрессу не хватило одного голоса. Как пишет авторитетный автор работ, посвященных жизни и деятельности Л. Джонсона, Роберт Каро «сенатор Хайли Килгор от Западной Вирджинии во время голосования не вышел из своего кабинета и не проголосовал, тем самым лишив республиканцев возможности провести поправку, то ли из-за гриппа, то ли под действием алкоголя, все зависит от того, кто рассказывал эту историю» [3. С. 536].

Важным событием для администрации также стало утверждение главой сенатского комитета по иностранным делам после промежуточных выборов 1954 г. демократа У. Джорджа. Именно его госсекретарь Дж. Даллес уговорил оставить сенатский комитет по финансам и возглавить сенатский комитет по иностранным делам [4. С. 49], иначе на пост главы этого

комитета демократы выдвигали сенатора от Род-Айленда Теодора Френсиса Грина, с которым, по словам госсекретаря, «совершенно нельзя будет работать» [1. С. 64]. У. Джордж в то же время с пониманием относился к позиции администрации Д. Эйзенхауэра в области внешней политики, что он и продемонстрировал довольно быстро, проведя через сенатский комитет и конгресс устраивавшую администрацию «формозскую резолюцию» в январе 1955 г. [5. С. 331].

Все эти факторы, вместе взятые, резко ослабили влияние крайне консервативных республиканских сил в конгрессе, в первую очередь в области внешней политики, и в определенном плане дали возможность администрации Д. Эйзенхауэра действовать более свободно, не оглядываясь на крайне правое крыло «старой республиканской гвардии». К необходимости ревизии основных подходов к внешней политике вела и целая россыпь внешних факторов. Первое важное обстоятельство, наложившее отпечаток на позицию администрации США, – это, без сомнения, испытание Советским Союзом термоядерной бомбы в августе 1953 г., рост его ядерного потенциала и средств его доставки.

Сразу после прихода администрации Д. Эйзенхауэра к власти президент дал указание специальному комитету под председательством генерал-лейтенанта Идвала Эдвардса проанализировать последствия войны с применением ядерного оружия для США до 1955 г. [6. С. 156]. Доклад был готов в мае, и основные его выводы звучали очень пессимистично для руководства США. По мнению экспертов, в случае первого удара по территории США, который будет нанесен по складам хранения ядерного оружия и крупнейшим базам стратегической авиации США, ущерб составит от 24% в 1953 г. до 30% в 1955 г. Авторы доклада считали также, что оставшиеся в распоряжении Советского Союза ядерные заряды будут сброшены на крупные города, промышленные и транспортные центры. От этих ударов пострадает около 9 миллионов мирных жителей в 1953 г. и 12,5 миллионов в 1955 г., по мнению экспертов, больше половины из них погибнет. В мегаполисах, подвергшихся атаке, будет парализована вся промышленность, что приведет к параличу трети промышленности в стране в 1953 г. и половины промышленности в 1955 г. Однако самый серьезный ущерб будет нанесен психологическому состоянию американского населения [7. С. 333–334].

31 июля 1953 г. ЦРУ подготовила специальную оценку состояния советского ядерного потенциала и средств его доставки: «Возможности СССР по нападению на США в период до середины 1955 года». В этом докладе аналитики американской разведки оценивают технические возможности СССР нанести удар по США. Количество ядерных бомб у Советского Союза оценивалось примерно в 120 в 1953 г. и в 300 в 1955 г., такого количества боезарядов вполне хватит, чтобы нанести серьезный ущерб Соединенным Штатам. Средства доставки ядерного оружия – бомбардировщики ТУ-4, копия американского бомбардировщика Б-29, около 1000 штук, разбитые на три армии, дислоцирующиеся на Чукотском и Кольском полуострове и Балтийском побережье. У таких машин нет возможности достигнуть территории США и возвратиться на свои

базы без дозаправки в воздухе. ЦРУ считало, что и в техническом, и в логистическом плане возможность дозаправки у СССР отсутствовала. Однако если бомбардировщики полетят только в один конец, то радиус действия этих самолетов значительно увеличится и они смогут достичь цели на территории США, включая все крупные центры Восточного и Западного побережья. Крайними точками их проникновения будут Южная Каролина и Монтана [8. С. 2–4]. В этом же докладе аналитики ЦРУ считали, что Советский Союз еще не разработал и не испытал термоядерное оружие. Его появление авторы доклада считали возможным в 1954 г. и то в таком виде, в котором его нельзя доставлять до целей в США.

Таким образом, во время работы и обсуждения проекта «Солярый» американское руководство имело приблизительную картину возможных разрушений, которые могут быть нанесены США в случае начала ядерной войны. Поэтому совершенно не случайно, что уже в период обсуждения результатов работы групп по данному проекту вопрос о возможности ядерной войны поднимался с большой осторожностью. А по уже приводившимся воспоминаниям Дж. Кеннана, именно в период работы над проектом «Солярый» президент пришел к окончательному пониманию невозможности ядерной войны [9. С. 76].

Однако испытание Советским Союзом термоядерного оружия в августе 1953 г. кардинально меняло ситуацию. Тот анализ последствий войны с использованием только ядерного оружия, который уже имело американское руководство, приводил администрацию Д. Эйзенхауэра к серьезным размышлениям относительно как последствий, так и результатов подобной войны. Появление же термоядерного оружия только усиливало негативный эффект. Во время обсуждения целей и последствий всеобщей войны с СССР 24 марта 1954 г. на 190-м заседании СНБ президент сказал, что всеобщая война начнется только в ответ на массированное применения ядерного и термоядерного оружия со стороны Советского Союза и США вынуждены будут применить все имеющиеся в их распоряжении средства без всяких ограничений. Целью США в войне будет только победа. Но что будет в результате этой победы? Последствия войны с применением столь разрушительного оружия будут столь катастрофическими, что невозможно говорить о том, что будет после [7. С. 641]. Поэтому в решении СНБ, посвященном целям глобальной войны, так и не нашло отражение, что же и как США будут создавать после победы [7. С. 645–646].

В феврале 1954 г. появляются новые доклады ЦРУ о возможностях начала войны и военном потенциале Советского Союза: 15 февраля: «Возможности всеобщей войны до 1957 года», 16 февраля: «Оценка советских ядерных программ до 1957 года», 24 февраля: «Оценка возможности нападения СССР на США до 1957 года» [10–13]. Интенсивность аналитической работы ЦРУ была связана именно с фактом появления у Советского Союза термоядерного оружия и необходимостью заново произвести оценку американских возможностей. Аналитики ЦРУ приходят к выводу, что возможности Кремля производить ядерное оружие по-

стоянно возрастают. К концу 1953 г. технологически Советский Союз достиг возможности производить любое количество ядерного и термоядерного оружия, единственным сдерживающим фактором является наличие урансодержащей руды [11]. Советские ученые ведут разработки как зарядов малой мощности, так и сверхмощных устройств более 1 мегатонны в тротиловом эквиваленте [13]. Технологически СССР достиг такого уровня разработок, при котором тип оружия определяется не техническими данными, а военными потребностями [8].

Новые данные, учитывающие наличие у Советского Союза термоядерного оружия, объективно должны были привести к переоценке существующей американской политики практически по всем направлениям. Необходимость определить финансовое обеспечение для выполнения основного документа администрации в области внешней политики СНБ 162/2 позволили ведомствам высказать свою позицию относительно новой ситуации [7. С. 647]. Уже в предложениях ОКНШ совершенно четко выражена мысль о том, что в условиях новой ядерной эры и Советский Союз, и США оказываются в ситуации взаимного ядерного уничтожения в случае начала всеобщей войны, поэтому стороны будут стремиться к предотвращению развязывания всеобщей ядерной войны. В этой ситуации советские руководители, по мнению Министерства обороны США, начнут усиливать противоборство на мировой периферии [7. С. 675].

Окончательно администрация определилась с фактором влияния ядерного оружия на внешнюю политику США после многочисленных дискуссий на заседаниях СНБ, посвященных имплементации СНБ 162/2, которые длились весь июнь и июль 1954 г. В подписанном президентом 7 августа 1954 г. документе «Основные направления реализации СНБ 162/2 на 1956 финансовый год» совершенно однозначно заявляется, что «...увеличение ядерных возможностей СССР и увеличение разрушительной силы самого ядерного оружия при использовании его в период глобального конфликта неминуемо приведет к гибели как западную цивилизацию, так и Советский Союз. Поэтому США, развивая свой ядерный потенциал для сдерживания СССР, будет пытаться избегать действий, направленных на провоцирование глобальной войны с СССР» [7. С. 717].

Еще одним немаловажным фактором, повлиявшим на решение о пересмотре СНБ 162/2, явилось развитие ситуации вокруг вьетнамской деревни Дьенбьенфу в марте – апреле 1954 г. и ситуация с островами Куэмои и Мацу в сентябре 1954 – марте 1955 г. Требование французами военной помощи подняло вопрос о возможном применении ядерного оружия против вьетконгцев.

Д. Эйзенхауэр при рассмотрении ситуации, сложившейся вокруг деревни Дьенбьенфу, и ответа США на просьбы французов поставил условие: использование американской военной силы, в том числе и возможное применение ядерного оружия, должно получить поддержку у европейских союзников Вашингтона, в первую очередь Великобритании, и одобрение конгресса. Учитывая позицию Великобритании, при-

ближающуюся женеvскую конференцию министров иностранных дел и развернуvшуюся борьбу в конгрессе между администрацией и изоляционистами вокруг поправки Брикена, эти условия были невыполнимы [14. С. 148].

Ситуация вокруг островов Куэмои и Мацу в конце 1954 – начале 1955 г. потребовала от Вашингтона большого дипломатического искусства для того, чтобы не быть втянутым в конфликт вокруг малозначительных прибрежных островов, который мог закончиться уничтожением трети гоминьдановской армии, нанесением значительного психологического удара по режиму Чан Кайши и, в конечном итоге, началом полномасштабного вооруженного конфликта с Китаем и СССР [15. С. 47–68].

Третьим фактором, заставившим руководство США начать пересмотр СНБ 162/2, собственно говоря, было начало реализации политики «освобождения» и СНБ 174/1. Жесткое и быстрое подавление советскими войсками восстания в Западном Берлине 16–17 июня 1953 г. и позиция, занятая Советским Союзом на Берлинской конференции министров иностранных дел в январе – феврале 1954 г., привели американскую администрацию к пониманию того, что как Германия, так и вся Восточная Европа для Кремля очень важны и без войны, которая, без сомнения, станет всеобщей с применением ядерного оружия, он из нее не уйдет. Анализ возможности отделения какого-либо государства Восточной Европы от СССР 30 декабря 1954 г., проведенный СКД (Совет по координации деятельности при СНБ), совершенно четко указал, что в настоящих условиях это невозможно. Единственное исключение делалось для Германии и то, если переговоры об объединении страны пройдут успешно, что после провала Берлинской конференции представлялось маловероятным [16. С. 134].

Однако еще более существенным оказался вывод, сделанный рабочей группой СКД, которая была создана для анализа эффективности мероприятий по реализации СНБ 174/1. Он гласил, что реализация мероприятий, намеченных в СНБ 174/1, в странах Восточной Европы практически невозможна из-за жесткого противодействия как советских оккупационных войск, так и местных сил безопасности.

Оперативные действия, проводимые агентствами США, невозможны, так как провоцируют всеобщую войну, что противоречит основному послыу СНБ 174/1. Поэтому, делали вывод авторы рабочей группы, действия США должны в большей степени концентрироваться на дипломатических акциях, поддерживая дух сопротивления и веру в свободу у народов Восточной Европы [17. С. 134]. Таким образом, и на этом направлении администрация Д. Эйзенхауэра вынуждена была констатировать необходимость смены курса.

Фактически дискуссия о пересмотре СНБ 162/2 началась на 204-м заседании СНБ 24 июня 1954 г. На этом заседании рассматривались основные направления имплементации СНБ 162/2 на следующий финансовый год. И министр обороны Вильсон, и госсекретарь Дж. Даллес заявили о необходимости ревизии основополагающего документа национальной безопасно-

сти США в свете изменившейся ситуации в мире [7. С. 694–695]. Министр обороны первый четко сформулировал основную причину необходимости пересмотра основных подходов к внешней политике США. В своем выступлении он сказал, что администрации необходимо сделать «мучительную переоценку» своей политики, так как за полтора года она не привела к значимым результатам. Причины такого состояния, по мнению министра обороны, состоят в том, что администрация слишком увлеклась военными методами решения проблем. «Будь наша армия в два раза сильнее, чем в настоящий момент, мы все равно не решили бы по-другому тех проблем, которые стояли перед нами в последние полтора года. Невозможно решать все проблемы внешней политики, только увеличивая вооруженные силы» [7. С. 690]. Госсекретарь, отметив, что его отнюдь не радует то, что происходит, сказал: продолжая следовать курсом нынешней «жесткой» политики, Вашингтон останется один в борьбе с Советами, поэтому нужно отходить от этого курса [7. С. 694].

В соответствии с принятой 22 октября 1954 г. на 218-м заседании СНБ процедурой ревизии основ политики национальной безопасности США Х. Стассен 9 ноября представил свои предложения о необходимости ревизии СНБ 162/2, чем, собственно говоря, запустил процесс пересмотра основного документа, определявшего основу политики американской администрации Д. Эйзенхауэра [7. С. 770]. В период с 15 по 22 октября практически все ведомства администрации Д. Эйзенхауэра представили свои предложения по необходимости и направленности изменений в СНБ 162/2 [7. С. 772–787]. Изменения основ политики национальной безопасности США обсуждались на четырех заседаниях СНБ: 24 октября, 3 декабря, 24 декабря 1954 г. и 5 января 1955 г. [17]. По материалам двух прошедших заседаний СНБ 17 декабря ОПП представил доклад об основах национальной безопасности США СНБ 5440 [7. Р. 787]. В конечном итоге Президент США 7 января 1955 г. подписал его в качестве основополагающего документа СНБ 5501/1 [18. С. 24–38].

Основная дискуссия по сути необходимой ревизии СНБ 162/2 развернулась на СНБ 24 декабря 1954 г., в канун католического Рождества. Первым взяв слово, Д. Даллес поставил вопрос предельно жестко и прямолинейно: если политика США направлена на подрыв Советского Союза через отторжение от него восточно-европейских сателлитов и Китая, решит ли это главную проблему – ликвидацию возможности Кремля нанести ядерный удар по США? Ответ очевидный – нет. Поэтому современная политика США, а госсекретарь отметил, что именно такую политику, агрессивную и динамичную, он пропагандировал и поддерживал в период предвыборной кампании 1952 г., в настоящее время невозможна. Она приведет к ядерной войне, в которой погибнут как СССР, так и США, и отпугнет союзников. Отсюда вывод: политику необходимо менять. Но как? Основные задачи сохранения «свободного мира» США решают путем создания оборонительных союзов, которые четко показывают Москве пределы возможного движения. Эта линия должна остаться неизменной. Необходимо ме-

нять тактику работы с самими странами, значительно усиливая действия за рубежом [7. С. 838].

Через некоторое время выступил министр обороны, и вновь его выступление отражало суть и направленность изменений, которые требовало новое время. Если Дж. Даллес говорил о том, почему, то Вильсон говорил, как. Отметив, что США имеют очень богатый и часто успешный опыт взаимодействия с другими странами, министр обороны считает необходимым, опираясь на весь этот богатый опыт работы с зарубежными партнерами, использовать экономические, политические, культурные и другие рычаги для завоевания симпатий всего мира и отрыва его от коммунизма. «Коммунизм погибнет сам, – считал Вильсон, – а нам нужно “сосуществовать” с ним» (хотя министр обороны признал, что этот термин ему не нравится), поэтому было бы правильнее, приняв общее стратегическое направление, выработать специфические для каждого региона направление и методы работы по достижению общих целей [7. С. 839–840]. С этим президент согласился.

В окончательной редакции СНБ 5501/1 в отличие от СНБ 162/2 признается невозможность достижения военного превосходства над Советским Союзом и решения конфликта с СССР путем всеобщей войны, так как в термоядерную эру она приведет к гибели как западную цивилизацию, так и СССР. Поэтому и Москва, и Вашингтон должны стремиться к тому, чтобы не провоцировать развязывание всеобщей войны, проявляя двустороннее сдерживание. Единственным способом сократить или уменьшить советскую военную мощь в СНБ 5501, как и в СНБ 162/2, признавались переговоры. Основные действия администрации Д. Эйзенхауэра в отношении Москвы и международного коммунизма должны гибко сочетать военные, политические, экономические, пропагандистские и тайные операции, благодаря которым влияние идей международного коммунизма должно быть подорвано и возрождена вера людей в свободу и справедливость. Для этого администрация считает необходимым значительно усилить зарубежные операции [18. С. 25–34].

Таким образом, уже в начале 1955 г. администрация сделала существенную корректировку своей позиции. Окончательно был снят с повестки дня вопрос о характере мер воздействия на страны коммунистического лагеря. Новая редакция доктрины совершенно однозначно постулировала невозможность проведения таких действий, которые бы провоцировали риск всеобщей войны. Вся мощь в борьбе с коммунизмом должна быть перенесена на такие действия, которые бы изменяли отношение людей к идеям коммунизма, способствовали стремлению к свободе. В этой связи значительное место должно уделяться всевозможным, в том числе и тайным, операциям по улучшению имиджа свободного мира и изменению отношения людей к той политике, которую проводит советское руководство.

Заметное внимание в СНБ 5501 уделялось экономическим мерам, стимулирующим развитие малоразвитых стран, которые признавались возможными и привлекательными целями коммунистической пропаганды, например развитию программ экономической

помощи и поддержки свободной торговли. В целом новый документ отражал новые реалии, возникшие после начала термоядерной эры. Понимание невозможности военного решения проблемы взаимоотношения с СССР окончательно утвердилось в подходах администрации Д. Эйзенхауэра уже с конца 1954 г. и было официально задокументировано 7 января 1955 г. Собственно говоря, благодаря такому изменению стали возможны женевская встреча в верхах, так называемый «дух Женевы», который часто называют первой «разрядкой», и, что более важно, невмешательство США в события, произошедшие в Восточной Европе в 1956 г.

В целом можно с уверенностью сказать, что на рубеже 1954–1955 гг. в верхах американского истеблишмента окончательно утвердилось понимание того, что с Советским Союзом нужно мирно сосуществовать и не провоцировать своими действиями возможность развязывания новой мировой войны. Собственно говоря, теперь администрация Д. Эйзенхауэра «мучительно», используя выражение министра обороны Вильсона, должна была перестраивать всю свою политику на новые рельсы и соответственно вырабатывать новые правила и методы работы. Этот переход занял достаточно много времени. Тем более, что понимание необходимости не провоцировать друг друга у руководства Советского Союза и особенно Китая пришло немного позже и для этого потребовались два «тайваньских» (1954 и 1958 гг.) и «карибский» (1961 г.) кризисы. Такая переоценка началась практически сразу же. 31 января 1955 г. был принят документ СНБ 5505/1 «Возможности эксплуатации слабых сторон Советского Союза и его восточноевропейских стеллитов». Его основой послужил доклад по имплементации СНБ 174/1 комитета по планированию СНБ.

После принятия СНБ 174/1 в декабре 1953 г. события, происходящие в мире, в первую очередь на Индокитае и Тайване, отодвинули в сторону политику в отношении Восточной Европы для администрации Д. Эйзенхауэра в 1954 г. Однако выстроенный президентом механизм выработки и реализации принятых решений запустил маховик государственной машины в этом направлении. Первый анализ результатов работы администрации в Восточной Европе был сделан в уже упоминавшемся докладе рабочей группы СКД по оценке реализации СНБ 174/1. В документе перечислялись основные мероприятия, предпринятые администрацией Д. Эйзенхауэра для реализации директивы СНБ. Основными среди них были: установка в Германии 1 мегаваттного транслятора, который был направлен на Восточную Европу и должен был резко расширить охват территории, где возможно принимать сигналы радиостанций; определение ЮСИА уровня радиочасов, направленных на восточно-европейскую аудиторию в передачах подконтрольных ей радиостанций; проведение «дней поработанных народов Восточной Европы и Балтии».

Кроме этого, были проведены организационные мероприятия, которые должны были помочь более эффективно оказывать давление на страны Восточного блока: в январе 1954 г. на очередном заседании

участники НАТО скоординировали свои усилия по радиопропаганде на Восточную Европу; рабочая группа рассмотрела вопросы, связанные с улучшением положения беженцев из стран Восточной Европы, и эффективность работы с ними; в Западном Берлине продолжилась операция по снабжению жителей всем необходимым для устранения тех трудностей, которые существовали в этом городе, и постепенному его превращению в «витрину западного мира». Кроме этого проводились и секретные операции [16. С. 133]. Совершенно очевидно, что все перечисленные мероприятия, не учитывая секретные и подрывные операции, носят информационно-пропагандистский характер. Соответственно, резко возрастает роль тех материалов, которые подаются: призывают ли они к восстанию, какой образ действия они стараются привить и т.д.

Если США добиваются отделения, то нужно призывать народ к неповиновению и, в конечном итоге, к восстанию. Однако при существующем уровне контроля со стороны Советского Союза и в присутствии более чем полумиллионной армии на территории Восточной Европы [19. С. 17] восстание будет успешным только при поддержке армии США, что неминуемо приведет к всеобщей войне с применением термоядерного оружия и в конечном итоге к уничтожению цивилизации. Поэтому, считают авторы документа, необходимо *точно* определиться с целью, которую ставит перед радиостанциями руководство США. Иначе, если не будут оправданы ожидания восточно-европейских народов, вера в Соединенные Штаты будет подорвана [16. С. 134].

В августе 1954 г. ЦРУ подготовило специальную оценку ситуации в восточно-европейских странах. В документе говорилось о том, что позиции Советского Союза, несмотря на смену руководства и продолжающуюся борьбу за власть в Кремле, не ослабли, а продолжают оставаться очень крепкими. Это влияние опирается на присутствие на землях восточно-европейских государств более чем полумиллионной Советской армии и двадцатитысячного контингента войск МВД, корпус военных, гражданских и партийных советников, которые направляют развитие практически всех сфер жизни восточно-европейских обществ, непосредственно советских граждан, назначенных на руководящие посты в государственных и партийных органах, и партийный аппарат восточно-европейских коммунистических и рабочих партий. В ближайшие два года, считали аналитики ЦРУ, это влияние не только не ослабнет, а усилится за счет улучшения механизма контроля со стороны Советского Союза. Задача Кремля состоит в полной инкорпорации восточно-европейских режимов в советскую систему для увеличения военного, экономического, политического и пропагандистского потенциала коммунистической системы в целом. Оппозиция советизации, по мнению авторов доклада, будет тормозить этот процесс, но в отсутствие всеобщей войны или форс-мажорных обстоятельств это сопротивление будет носить пассивный характер, не выливаясь в массовые действия [19. С. 3–8].

Наконец, 30 декабря 1954 г. появляется уже упоминавшийся документ рабочей группы СКБ «Анализ

ситуации в отношении возможного отделения от СССР крупного государства-сателлита». В этом документе на конкретных материалах, доступных американской администрации в отношении ситуации в восточно-европейских странах, делается вывод о том, что степень контроля и скорость советизации населения, особенно молодежи, таковы, что без внешнего вмешательства изменить данный процесс невозможно. Главные причины недовольства населения: низкий уровень жизни, коллективизация и вмешательство Кремля во все стороны жизни восточно-европейских обществ через коммунистические партии региона и государственный аппарат. Сопrotивление режимам опирается на развитое чувство национализма и роль католической церкви в большинстве стран региона.

Авторы документа делают вывод, что отрыв какого-либо восточно-европейского государства от Советского Союза невозможен по югославскому сценарию, потому что нет тех условий, которые существовали там. Во-первых, это крупная и не зависящая от Кремля коммунистическая партия, которая создала свои собственные вооруженные силы, закаленные в борьбе с фашизмом, а во-вторых, Югославия не граничит непосредственно с Советским Союзом. Таким образом, отделение возможно только из-за внутренних потрясений и проявления массового недовольства, которые Советский Союз будет подавлять, используя свою армию, что было продемонстрировано во время событий 16–17 июня 1953 г. в Восточной Германии, либо в результате всеобщей войны. Ни тот, ни другой случай для Вашингтона не подходит, так как всеобщая война ведет к гибели человеческую цивилизацию, а вмешательство США во внутренние события восточноевропейских стран на стороне восставших неминуемо приведет ко всеобщей войне [16. С. 143–155].

Все вышеперечисленные документы оказали серьезное влияние на подготовленный комитетом по планированию документ, положенный в основу СНБ 5505/1. Его обсуждение было недолгим и заняло только одно 234-е заседание СНБ 27 января 1955 г. Хотя характер обсуждения показывал, насколько трудно дается администрации и госсекретарю, в частности, принятие новых реалий, особенно на тактическом уровне. При обсуждении документа столкнулись две точки зрения, которые, собственно говоря, и являли отражение нового и старого подходов. Председатель ОКНШ адмирал А. Рэдфорд, директор ЦРУ А. Даллес, госсекретарь США Дж. Даллес и вице-президент Р. Никсон, поставив под сомнение необходимость принятия данного документа, выступили против того, чтобы в нем был раздел, посвященный необходимости прекратить все операции и действия администрации, направленные на подготовку «революционного» изменения положения в странах Восточной Европы и СССР, и переориентации всего государственного аппарата США

на работу, нацеленную на эволюционные изменения в странах Восточного блока [20. С. 5]. По сути это было нежелание части государственного аппарата принимать новые реалии. Надо отдать должное президенту Д. Эйзенхауэру, именно он совершенно однозначно настоял на том, чтобы политика в отношении Восточной Европы переходила на рельсы подготовки эволюционных, а не революционных изменений [6. С. 168].

В СНБ 5505/1 «Политика США по использованию слабых сторон Советского Союза и восточно-европейских сателлитов» от 31 января 1955 г. было указано, что главный принцип эксплуатации слабостей советской системы Соединенными Штатами должен отвечать следующим критериям:

1) эти меры должны быть постоянными и отвечать возможностям США;

2) они должны быть направлены на создание постоянного бюрократического и народного недовольства и оказание давления на советскую систему как внутри самого СССР, так и внутри его восточно-европейских союзников;

3) эти меры должны быть направлены на *эволюционное* изменение советской системы путем коррекции поведения советского руководства в правильном направлении для успешного решения тех проблем, которые стоят перед советским и восточно-европейскими обществами и с которыми правительства данных стран не справляются.

Упор необходимо делать на таких проблемах, как низкий уровень жизни в странах социалистического лагеря, культурная и интеллектуальная регламентация жизни, вмешательство государства в религиозную жизнь общества, недовольство населения восточно-европейских народов опекой со стороны Кремля, сопротивление крестьянства коллективизации, национальные и межнациональные проблемы [20. С. 20–22].

Таким образом, хотя СНБ 5505/1 не заменял полностью СНБ 174/1, он его очень серьезно дополнял и уточнял. Во-первых, была окончательно внесена ясность в характер тех мероприятий, которые должны были проводиться в отношении стран Восточной Европы подразделения администрации США. Характер этих мероприятий должен быть направлен не на подрыв существующего строя и отрыв восточно-европейских государств от Советского Союза, а на изменение *внешних условий их существования* для того, чтобы изменить отношение правительств данных стран к той политике, которую они проводят. С учетом мер, направленных на поддержание недовольства существующими режимами, которые не могут обеспечить достаточный уровень жизни населения и обеспечить духовную и интеллектуальную свободы, такая политика должна эволюционно изменить как поведение восточноевропейских государств на международной арене, так и их отношения с Советским Союзом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Johnson Robert David. Congress and the Cold War. N.Y. : Cambridge University Press, 2005. P. 53.
2. Eisenhower D.D. Mandate for Changes, 1953–1956. Garden City, N.Y. : Doubleday & Company, Inc. 1963. 650 p.

3. *Caro R.* The Year of Lyndon Johnson. Master of Senate. N.Y. : Knoph, 2002. Vol. 3.
4. *Nelson Anna.* John Foster Dulles and the Bipartisan Congress // Political Science Quarterly. 1987. Vol. 102.
5. *Accinelly Robert.* Eisenhower, Congress and the 1954-55 Offshore Island Crises // Presidential Studies Quarterly. 1990. Vol. 20.
6. *Mitrovich G.* Undermining the Kremlin. America's Strategy to subvert the Soviet Block. Ithaca ; London : Cornell University Press, 2000. 235 p.
7. *FRUS, 1952–1954, National Security.* Wash. : Gov. Print. Off., 1984. 1928 p. Vol. 2, pt. 1.
8. *SE-36/1.* Soviet Capabilities for Attacks on the US Trough mid 1955. Special Estimate // National Archives II. Record of the Central Intelligence Agency. National Intelligence Estimates Concerning the Soviet Union, 1950–1961, Intelligence Publication File HRP 92-4/001, NN3-263-93-007, Box 2. P. 2–4.
9. *Мирошников С.Н.* Проект «Солярий» администрации Д. Эйзенхауэра // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 72–76.
10. *NIE* Likelihood of General War Through 1957. 15 February 1954.
11. *NIE* 11-34-54 The Soviet Atomic Energy Program to mid 1957. 16 February 1954.
12. *NIE* 11-2-54 Soviet Capabilities for Attack on the US Through 1957. 24 February 1954 // National Archives II. Record of the Central Intelligence Agency. National Intelligence Estimates Concerning the Soviet Union, 1950-1961, Intelligence Publication File HRP 92-4/001, NN3-263-93-007, Box 2.
13. *NIE* 11-34-54 The Soviet Atomic Energy Program to mid 1957. 16 February 1954 // National Archives II. Record of the Central Intelligence Agency. National Intelligence Estimates Concerning the Soviet Union, 1950-1961, Intelligence Publication File HRP 92-4/001, NN3-263-93-007, Box 2.
14. *Creswell Michael.* A Question of Balance: How France and the United States Created Cold War Europe. Harvard Historical Studies, number 153. Cambridge : Harvard University Press, 2006. 238 p.
15. *Мирошников С.Н.* Война или мир: политика США в период обострения обстановки в зоне Тайваньского пролива (сен. 1954 г. – апр. 1955 г.) // Исторические и философские исследования в Сибири. Томск : Изд-во ТПУ, 2007. Ч. 1. С. 47–68.
16. *FRUS, 1952–1954, Eastern Europe; The Soviet Union.* Wash. : Government Print office, 1988. Vol. VIII. 1463 p.
17. *FRUS, 1952–1954, National Security.* Wash. : Gov. Print. Off., 1984. Vol. 2, pt. 1. P. 787–802, 803–806, 832–844.
18. *FRUS, 1955–1957, vol. XIX, National Security Policy.* Wash. : Gov. Print. Off., 1990. 741 p.
19. *NIE* 12-54, 24 August 1954 Probable Development in the Europe Satellites Through mid-1956. // National Archives II. Record of the Central Intelligence Agency. National Intelligence Estimates Concerning the Soviet Union, 1950–1961, Intelligence Publication File HRP 92-4/001, NN3-263-93-007, Box 2.
20. *FRUS, 1955–1957, USSR; Eastern Mediterranean.* Wash. : Gov. Print. Off., 1989. Vol. XXIV. 768 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 апреля 2012 г.